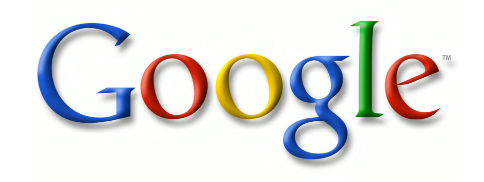
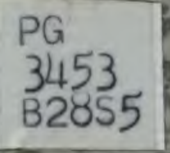

Barykova, Anna Pavlowna (Kamenskaia͡).

Skazka pro to, kak t͡zar' Akreia͡n khodil Bogu zhalovat'sia͡.

STANFORD LIBRARIES

№ 5. — БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ». —

СКАЗКА ПРО ТО

КАКЪ ЦАРЬ АХРЕЯ

ходилъ Богу жаловаться.

А. Н. Барыковой.

Изданіе соціалдемократической организаціи «Жи

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.

СКАЗКА ПРО ТО

какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться.

Не бояръ, не вельможъ тароватыхъ,
Не боярынь-красавицъ привѣтливыхъ
Потѣшать я хочу сказкой новою,
Краснымъ словомъ, что бисеръ нанизаннымъ:
Гусляру-молодцу, парню вольному
Не корыстны подачки боярскія,—
Съ гордыхъ плечъ дорогія обносочки,
Со столовъ со вельможныхъ объѣдочки,—
Милость барская — сытость кисельная!...

* * *

Охъ ты гой еси голь перекатная,
Перекатная голь,— непокрытая!
Для тебя моя сказка сложилася,
Чтобы ты, голытьба, распотѣшилась,
Да сквозь слезы свои вѣковѣчныя
Хоть разокъ отъ души разсмѣялася!

I

Далеко-ли отъ насъ,— догадайтеся,—
И давно-ли — смекните ребятушки,
Было царство издревле крещеное,
Споконъ вѣку вѣковъ православное,
Споконъ вѣку — большое, могучее;
Въ берегахъ во крутыхъ, во кисельныхъ
Протекали тамъ рѣченьки быстрыя.
Все молочныя рѣчки, медовыя,—
Что моря-океаны глубокіе;
Золотыя-ли горы высокія
Подымались до синяго, до неба;
Зеленѣли лѣса изумрудные

Выше облака въ небѣ ходячаго:
Рожь-пшеница, кормилица-матушка.
Все-то краснаго, чистаго золота,
Что морская вода разливалася,
А привольныя степи широкія,
Что ковры дорогіе персидскіе,
Разстилались отъ моря и до моря,
Города — золоченыя маковки.
Тамъ росли, что грибы во сыромъ бору;
Нарождалась тамъ люду хрестьянскаго
Да такая несмѣтная силушка,—
Звѣздочеты считали, да сбилися...

* * *

Все то было въ той дивной сторонушкѣ,—
Одного только, братцы, тамъ не было:
Не жилось тамъ Святой Правдѣ-Матушкѣ,
А съ того и все царство въ раззоръ пришло:
Обмелѣли совсѣмъ, пересякнули
Тѣ молочныя рѣчки медовыя:
Золотыя все горы высокія
Обратились въ пески рудожелтые;
Вѣковые лѣса изумрудные
На корню засыхали, валилися,
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Заростала полынью-крапивою,
Лебедою-травой ядовитою:
Тѣснота-духота подневольная
Развелась во степномъ во раздольицѣ;
Въ городахъ — золоченыя маковки,
Да и въ селахъ большихъ со проселками
Безталанному люду хрестьянскому,
Люду темному, люду бездольному,
Отъ неправды лихой житья не было...
И то царство большое, могучее
(Прозывалось оно «Ахреяновкой»)
У сосѣдушекъ въ грошъ не считалося,
У заморскихъ лихихъ пересмѣшниковъ
Не въ добрѣ, не въ чести было изстари;
Величалось лѣсной деревенщиной,—
Деревенщиной — глупой засельщиной...
Какъ про то разоренье-стыдобушку,
Про несносныя бѣды народныя

Знали-вѣдали всѣ люди добрые.—
Слухомъ вся-то земля переполнилась:
Да не вѣдалъ, не зналъ православный царь,
Той страны государь недогадливый.
Ахреянъ, по отцу Ахреяновичъ.
Онъ сидѣлъ во своемъ стольномъ городѣ
На престолѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ
Въ золоченыхъ хоромахъ украшенныхъ,
За высокимъ за тыномъ желѣзнымъ,—
Для народу не слышно, не видимо;
Прохлаждался съ лихой полюбовницей,
Разноглазою Кривдой проклятою,
Да съ своею опричниной подлою:
Со князьями-боярами глупыми,
Дармоѣдами злыми, безпутными,
Съ неразумною думой боярскою,
Съ завидущимъ поповскимъ отродіемъ.
Съ загребущею сворой холопскою.
За высокимъ за тыномъ желѣзнымъ
Не слыхать ему стону народнаго,
Не слыхать ему хохоту вражьяго,
Не видать разоренья-стыдобушки...
Долго дѣется дѣло, ребятушки,
Да не скоро и сказка разскажется:
Нашей сказки еще не конецъ пришелъ.
Наша сказка сейчасъ начинается...

II.

Не гроза въ небесахъ собиралася,
Загорѣлась не яркая молонья.
Да не громъ грохоталъ по поднебесьи.—
Собиралася свѣтъ Правда-Матушка
Во великій походъ на враговъ своихъ:
Ахреяна царя недоумочка
Со любовницей Кривдой проклятою
Да съ опричниной царскою подлою.
Свѣтитъ правда — что яркая молонья,
Созываетъ дружинушку храбрую
Громче страшнаго грома небеснаго:
„Ужъ ты гой еси, войско великое,
„Удалая дружинушка храбрая.
„Люди добрые. люди крещеные

„Духомъ истиннымъ Свѣта небеснаго:
„Въ комъ живая душа не померкнула,
„Не застыло еще сердце честное.—
„Соберитеся всѣ, содружитеся,
„Заступитеся грудью могучею,
„Теплой крови своей не жалѣючи,
„За моихъ обездоленныхъ дѣтушекъ,
„Разноглазою Кривдой замученныхъ,
„За меня-ли за Правду, за Истину!...“

* * *

Съ четырехъ со концовъ свѣта бѣлаго.—
И съ съ Востока, и съ Юга, и съ Запада,
И съ холоднаго дальняго Сѣвера —
Откликалась дружина могучая.
Собиралась-сдружилась, сплотилася,
Становилась въ ряды неразрывные
Подъ святыми знаменами свѣтлыми,
Подступила ко стольному городу
Ахреяна-царя недоумочка,
Повалила высокій желѣзный тынъ.
Начинала сраженье великое —
Рукопашный бой — грудью могучею.
Теплой крови своей не жалѣючи,
Заступалась за Правду, за Истину,
За несчастный народъ обездоленный.
Ахреяну-царю за бѣду пришло:
Больно колетъ ему Правда-матушка
Оловянныя очи безстыжія;
Услыхалъ Ахреянычъ народный стонъ,
Увидалъ разоренье-стыдобушку:
Зашатался подъ нимъ золотой престолъ
И тяжелая шапочка царская,
Съ головы неразумной свалилася.
Закричалъ онъ со страху великаго,
Завопилъ, словно боровъ зарѣзанный,
Заревѣлъ, какъ медвѣдь на рогатинѣ:
„Охъ ты гой еси, душенька милая,
„Полюбовница царская вѣрная.—
„Разноглазая Кривда проклятая,
„Ты вставай со пуховой постелюшки,
„Одѣяльца шелковыя скидывай:
„Собери-ка опричнину подлую.—

„Вишь, она на карачкахъ расползалась,
„Подхвативъ животишки трусливые,—
„Выручайте меня, царя-батюшку!...“
Откликалася Кривда проклятая,
Говорила царю льстивымъ голосомъ:
„Не тужи, не горюй, православный царь,—
„Ахреянъ ты мой, свѣтъ Ахреяновичъ!
„Я тебя, ненаглядный мой, выручу;
„Правдѣ съ Кривдой во вѣки не справиться,
„Вѣдь дружина у ней—голь кабацкая,
„Неумытая голь, непокрытая;
„Не хитро намъ ту челядь ледащую
„Въ табачекъ растереть, да и вынюхать.
„У меня-ли войска все отборныя,
„Тридцать тысячъ полковъ безъ единаго,
„У меня-ли оружіе бранное,
„Самопалы, пищали заморскія;
„У меня-ли подвалы глубокіе,
„Пытки страшныя, казни позорныя.
„Погоди-посиди, ненаглядный мой,
„Я какъ разъ это дѣльце обдѣлаю,
„Заживемъ мы съ тобою по старому.“
И пошла на расправу жестокую
Разноглазая Кривда проклятая,
Собирала всю силушку темную,
Созывала войска все отборныя.
Тридцать тысячъ полковъ безъ единаго.
За тридцатымъ сама становилася;
Нападала на Правду, да съ хитростью:
Въ чистомъ полѣ капканы ей ставила.
Полонила—взяла Правду-матушку.
Изловила святую арканами,
Всю опутала цѣпью желѣзною,
Кандалы надѣвала тяжелые,
Запирала въ подвалы глубокіе,
Въ погреба-ли въ застѣночки крѣпкіе,
Отдавала на муки великія
Палачамъ-молодцамъ въ поруганіе:
„Чтобъ не видѣла ты свѣта божьяго,
„Чтобъ во вѣки у насъ въ Ахреяновкѣ
„Не слыхать было духу постылаго,
„Того духу святого правдиваго!
„А дружину твою, голь кабацкую,

STANFORD LIBRARIES

№ 5. — БИБЛІОТЕКА «ЖИЗНИ». — № 5.

СКАЗКА ПРО ТО

КАКЪ ЦАРЬ АХРЕЯНЪ

ходилъ Богу жаловаться.

А. П. Барыковой.

Изданіе соціалдемократической организаціи «Жизнь».

ЛОНДОНЪ.
Типографія «Жизни».
1902.

СКАЗКА ПРО ТО

какъ царь Ахреянъ ходилъ Богу жаловаться.

Не бояръ, не вельможъ тароватыхъ,
Не бояринь-красавицъ привѣтливыхъ
Потѣшать я хочу сказкой новою,
Краснымъ словомъ, что бисеръ нанизаннымъ:
Гусляру-молодцу, парню вольному
Не корыстны подачки боярскія,—
Съ гордыхъ плечъ дорогія обносочки,
Со столовъ со вельможныхъ объѣдочки,—
Милость барская — сытость кисельная!...

* * *

Охъ ты гой еси голь перекатная,
Перекатная голь,— непокрытая!
Для тебя моя сказка сложилася,
Чтобы ты, голытьба, распотѣшилась,
Да сквозь слезы свои вѣковѣчныя
Хоть разокъ отъ души разсмѣялася!

I

Далеко-ли отъ насъ,— догадайтеся,—
И давно-ли — смекните ребятушки,
Было царство издревле крещеное,
Споконъ вѣку вѣковъ православное,
Споконъ вѣку — большое, могучее;
Въ берегахъ во крутыхъ, во кисельныхъ
Протекали тамъ рѣченьки быстрыя.
Все молочныя рѣчки, медовыя.—
Что моря-океаны глубокіе;
Золотыя-ли горы высокія
Поднимались до синяго, до неба;
Зеленѣли лѣса изумрудные

Выше облака въ небѣ ходячаго:
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Все-то краснаго, чистаго золота.
Что морская вода разливалася,
А привольныя степи широкія,
Что ковры дорогіе персидскіе,
Разстилались отъ моря и до моря.
Города — золоченыя маковки.
Тамъ росли, что грибы во сыромъ бору;
Нарождалась тамъ люду хрестьянскаго
Да такая несмѣтная силушка.—
Звѣздочеты считали, да сбилися...

* * *

Все то было въ той дивной сторонушкѣ,—
Одного только, братцы, тамъ не было:
Не жилось тамъ Святой Правдѣ-Матушкѣ,
А съ того и все царство въ раззоръ пришло:
Обмелѣли совсѣмъ, пересякнули
Тѣ молочныя рѣчки медовыя:
Золотыя все горы высокія
Обратились въ пески рудожелтые;
Вѣковые лѣса изумрудные
На корню засыхали, валилися,
Рожь-пшеница, кормилица-матушка,
Заростала полынью-крапивою,
Лебедою-травой ядовитою:
Тѣснота-духота подневольная
Развелась во степномъ во раздольицѣ;
Въ городахъ—золоченыя маковки,
Да и въ селахъ большихъ со проселками
Безталанному люду хрестьянскому,
Люду темному, люду бездольному,
Отъ неправды лихой житья не было...
И то царство большое, могучее
(Прозывалось оно «Ахреяновкой»)
У сосѣдушекъ въ грошъ не считалося,
У заморскихъ лихихъ пересмѣшниковъ
Не въ добрѣ, не въ чести было изстари;
Величалось лѣсной деревенщиной,—
Деревенщиной — глупой засельщиной...
Какъ про то разоренье - стыдобушку,
Про несносныя бѣды народныя

Знали-вѣдали всѣ люди добрые, —
Слухомъ вся-то земля переполнилась:
Да не вѣдалъ, не зналъ православный царь,
Той страны государь недогадливый.
Ахреянъ, по отцу Ахреяновичъ.
Онъ сидѣлъ во своемъ стольномъ городѣ
На престолѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ
Въ золоченыхъ хоромахъ украшенныхъ,
За высокимъ за тыномъ желѣзнымъ, —
Для народу не слышно, не видимо;
Прохлаждался съ лихой полюбовницей,
Разноглазою Кривдой проклятою,
Да съ своею опричниной подлою:
Со князьями-боярами глупыми,
Дармоѣдами злыми, безпутными,
Съ неразумною думой боярскою,
Съ завидущимъ поповскимъ отродіемъ.
Съ загребущею сворой холопскою.
За высокимъ за тыномъ желѣзнымъ
Не слыхать ему стону народнаго,
Не слыхать ему хохоту вражьяго,
Не видать разоренья-стыдобушки...
Долго дѣется дѣло, ребятушки,
Да не скоро и сказка разскажется:
Нашей сказки еще не конецъ пришелъ.
Наша сказка сейчасъ начинается...

II.

Не гроза въ небесахъ собиралася,
Загорѣлась не яркая молонья,
Да не громъ грохоталъ по поднебесьи. —
Собиралася свѣтъ Правда-Матушка
Во великій походъ на враговъ своихъ:
Ахреяна царя недоумочка
Со любовницей Кривдой проклятою
Да съ опричниной царскою подлою.
Свѣтитъ правда — что яркая молонья,
Созываетъ дружинушку храбрую
Громче страшнаго грома небеснаго:
„Ужъ ты гой еси, войско великое,
„Удалая дружинушка храбрая,
„Люди добрые, люди крещеные

„Духомъ истиннымъ Свѣта небеснаго:
„Въ комъ живая душа не померкнула,
„Не застыло еще сердце честное,—
„Соберитеся всѣ, содружитеся,
„Заступитеся грудью могучею,
„Теплой крови своей не жалѣючи,
„За моихъ обездоленныхъ дѣтушекъ,
„Разноглазою Кривдой замученныхъ,
„За меня-ли за Правду, за Истину!...“

* * *

Съ четырехъ со концовъ свѣта бѣлаго,—
И съ съ Востока, и съ Юга, и съ Запада,
И съ холоднаго дальняго Сѣвера —
Откликалась дружина могучая.
Собиралась-сдружилась, сплотилася,
Становилась въ ряды неразрывные
Подъ святыми знаменами свѣтлыми,
Подступила ко стольному городу
Ахреяна-царя недоумочка,
Повалила высокій желѣзный тынъ.
Начинала сраженье великое —
Рукопашный бой — грудью могучею.
Теплой крови своей не жалѣючи,
Заступалась за Правду, за Истину,
За несчастный народъ обездоленный.
Ахреяну-царю за бѣду пришло:
Больно колетъ ему Правда-матушка
Оловянныя очи безстыжія;
Услыхалъ Ахреянычъ народный стонъ,
Увидалъ разоренье-стыдобушку:
Зашатался подъ нимъ золотой престолъ
И тяжелая шапочка царская,
Съ головы неразумной свалилася.
Закричалъ онъ со страху великаго,
Завопилъ, словно боровъ зарѣзанный,
Заревѣлъ, какъ медвѣдь на рогатинѣ:
„Охъ ты гой еси, душенька милая,
„Полюбовница царская вѣрная, —
„Разноглазая Кривда проклятая,
„Ты вставай со пуховой постелюшки,
„Одѣяльца шелковыя скидывай:
„Собери-ка опричнину подлую,—

„Вишь, она на карачкахъ расползалась,
„Подхвативъ животишки трусливые,—
„Выручайте меня, царя-батюшку!...“
Откликалася Кривда проклятая,
Говорила царю льстивымъ голосомъ:
„Не тужи, не горюй, православный царь,—
„Ахреянъ ты мой, свѣтъ Ахреяновичъ!
„Я тебя, ненаглядный мой, выручу;
„Правдѣ съ Кривдой во вѣки не справиться,
„Вѣдь дружина у ней—голь кабацкая,
„Неумытая голь, непокрытая;
„Не хитро намъ ту челядь ледащую
„Въ табачекъ растереть, да и вынюхать.
„У меня-ли войска все отборныя,
„Тридцать тысячъ полковъ безъ единаго,
„У меня-ли оружіе бранное,
„Самопалы, пищали заморскія;
„У меня-ли подвалы глубокіе,
„Пытки страшныя, казни позорныя.
„Погоди-посиди, ненаглядный мой,
„Я какъ разъ это дѣльце обдѣлаю,
„Заживемъ мы съ тобою по старому.“
И пошла на расправу жестокую
Разноглазая Кривда проклятая,
Собирала всю силушку темную,
Созывала войска все отборныя.
Тридцать тысячъ полковъ безъ единаго.
За тридцатымъ сама становилася;
Нападала на Правду, да съ хитростью:
Въ чистомъ полѣ капканы ей ставила.
Полонила—взяла Правду-матушку.
Изловила святую арканами,
Всю опутала цѣпью желѣзною,
Кандалы надѣвала тяжелые,
Запирала въ подвалы глубокіе,
Въ погреба-ли въ застѣночки крѣпкіе,
Отдавала на муки великія
Палачамъ-молодцамъ въ поруганіе:
„Чтобъ не видѣла ты свѣта божьяго,
„Чтобъ во вѣки у насъ въ Ахреяновкѣ
„Не слыхать было духу постылаго,
„Того духу святого правдиваго!
„А дружину твою, голь кабацкую,

,,Мы искрошимъ-изрубимъ безъ жалости,
,,А кого не побьемъ, такъ въ полонъ возьмемъ,
,,Запытаемъ-замучаемъ до смерти!"

* * *

Ну и диво тутъ, братцы, случилося:
Во подвалахъ во темныхъ глубокіихъ,
Правда-Матушка все-таки свѣтится
Ярче лѣтняго солнышка краснаго.
Ярче молніи въ ноченьку бурную,—
Палачамъ-молодцамъ не убить ее:
Голосъ вѣщій въ застѣнкѣ гудитъ-гремитъ.
Громче страшнаго грома небеснаго:
,,Стой, дружинушка, храбрая, вѣрная!
,,Стойте, братцы, за Правду, за Истину!"
И стоитъ удалая дружинушка,
Все рядами стоитъ неразрывными
Подъ святыми знаменами свѣтлыми;
На проломъ идетъ грудью могучею,
Теплой крови своей не жалѣючи;
Бьютъ ее,—а она прибавляется,
Разростается грозною тучею.
Осерчала тутъ Кривда проклятая,
Возвратилась домой къ полюбовнику
Ахреяну—царю недоумочку—
Говорила ему таковы слова:
,,Охъ ты гой еси, царь-недоумочекъ,
,,Неразумный ты мой полюбовничекъ!
,,Знать сильнѣе насъ Правда постылая!
,,Мнѣ не справиться съ голью кабацкою.
,,Бьешь ее, а она прибавляется,
,,Разростается грозною тучею,
,,До тебя, до царя добирается!
,,Надѣвай-ка ты одежонушку царскую,
,,Надѣвай сапоги скороходные:
,,Снаряжайся-ка ты во путь во дороженьку,—
,,Въ дальній путь, въ само царство небесное,
,,Сбѣгай—Господу Богу пожалуйся
,,На невѣрный народъ Ахреяновскій,
,,На великую правду постылую:
,,Захвати-ка съ собой свѣчку въ семь пудовъ,
,,Ставь къ престолу его ко пресвѣтлому:
,,Вѣдь не даромъ ты божій помазанникъ!

„Пусть пошлетъ онъ намъ силы небесныя,
„За тебя, за царя, пусть заступится,
„За твое, за величество царское,
— „Заживемъ мы съ тобою по старому!
Испугался царекъ-недоумочекъ,
Снарядился въ дорогу живой рукой,
Надѣвалъ сапоги скороходные,
Бралъ тяжелую свѣчку семи пудовъ,
Шель во свѣтлое царство небесное
Съ челобитьецемъ, слезною жалобой
На невѣрный народъ Ахреяновскій.

III.

Мало-ль, долго-ли шелъ онъ, ребятушки,
Шелъ все по небу, словно по лѣсенкѣ,
Со звѣзды на звѣзду перешагивалъ,
Бѣлы облачка вскокъ перепрыгивалъ,
И взобрался таки до седьмыхъ небесъ,
До пресвѣтлыхъ вратъ царства небеснаго;
Глядь—поглядь, анъ калитка затворена,
Петръ Апостолъ съ ключемъ на часахъ стоитъ.
Ахреянъ поклонился Апостолу,
Ожидалъ себѣ пропуску скораго,
Петръ апостолъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
—„Человѣче! Откуда пожаловалъ?
„По какому ты виду здѣсь шляешься?
„Здѣсь у насъ въ небесахъ нонѣ строгости:
„Выпускаемъ, впускаемъ съ оглядкою,—
„Не сбѣжали-бъ безъ спросу угоднички,
„Не зашли бы сюда безпашпортные.
„Покажи-кась свой видъ, не фальшивый-ли?
„На тебѣ, вишь одежа то царская,
„А по рожѣ видать, что холопъ прохвостъ!"
Ахреянъ на ту рѣчь обижается,
Гладитъ съ гордостью бороду царскую,
Отвѣчаетъ апостолу съ дерзостью:
„Аль ослѣпъ ты, Петруша, на старости,—
„У царя вздумалъ пашпорта спрашивать?
„Не призналъ что-ль знакомаго сослѣпу—
„Ахреяна, царя православнаго?
„Али свѣчъ тебѣ мало мы ставили?
„Мало ризъ золоченыхъ подѣлали?

,,Аль не пѣли молебновъ съ акафистомъ?
,,Не кадили что-ль въ носъ тебѣ ладаномъ?
,,Аль ты, старый, не знаешь, не вѣдаешь,
,,Что и всѣ мы, цари, Богомъ данные,
,,Споконъ вѣку вѣковъ безпашпортные?
Осерчалъ Петръ Апостолъ, разгнѣвался,
Начинаетъ ротитися-клятися:
,,Въ очію, смердъ-прохвостъ, завирается!
,,Знать не знаю тебя и не вѣдаю,—
,,Отродясь вашихъ свѣчъ я не видывалъ,
,,Отродясь и молебновъ не слыхивалъ,
,,Золоченыихъ ризокъ не нашивалъ!...
,,Охъ ты гой еси, стража небесная,—
,,Всѣ святые архангелы-ангелы!
,,Эй! хватайте бродягу-охальника,
,,Самозванца-царя безпашпортнаго!
,,Закрутите ему бѣлы рученьки,
,,Да стащите къ Михайлѣ въ участочекъ.
,,Пусть-ка ввергнетъ его въ тьму кромѣшную,
,,Въ ту геену—кутузку вонючую.''

* * *

Налетали архангелы-ангелы,
Ахреяна царя брали за руки,
Прикрутили веревками накрѣпко:
Брали царскую глубку за шиворотъ,
Повели Ахреяна въ участочекъ
Къ самому-ли Михайлѣ Архангелу.
Имъ на встрѣчу во образѣ странника
Чудотворецъ Микола угодникъ шелъ;
Увидалъ онъ царя, да и сжалился
Надъ бѣдою его неминучею.
Надъ людскими слезами горючими.
Надъ мученьемъ души человѣченской;
Вопрошалъ Ахреяна онъ ласково:
,,Человѣче! почто тебя мучаютъ?
,,За какіе грѣхи твои тяжкіе
,,Волокутъ во геену вонючую?''
Падалъ царь Ахреянъ на колѣночки,
Слезно плакалъ, молился угоднику:
,,Охъ ты гой еси, Божій угодничекъ,
,,Милосердный святитель Микола-свѣтъ!
,,Аль и ты не признаешь знакомаго,

„Своего-ли молельщика вѣрнаго,
„Ахреяна, царя православнаго?
„Али свѣчъ тебѣ мало я ставливалъ?
„Мало ризъ надарилъ раззолоченныхъ?
„Аль лѣнились попы толстопузые,
„Не пѣвали молебновъ-акафистовъ,
„Не кадили тебѣ божьимъ ладаномъ?
„Заступись за меня, горемычнаго,
„Повели развязать руки бѣлыя,
„Проведи меня къ Господу во пресвѣтлый рай!..."
Отвѣчаетъ угодникъ съ усмѣшкою:
„Хоть не знаю тебя и не вѣдаю,
„Хоть молебновъ поповскихъ не слыхивалъ
„И не нюхивалъ вашего ладану,—
„Все-жъ тебя, Ахреянъ, я помилую,
„Изъ бѣды неминучей повыручу,
„Провожу тебя къ Господу во пресвѣтлый рай,
„Охъ ты гой еси, стража небесная,
„Отдавай-ка царя на поруку мнѣ!"
Разлеталась тутъ стража небесная,
Ахреяна съ Миколой оставили.
Вопрошалъ Ахреяна угодничекъ,
Самъ развязывалъ рученьки бѣлыя:
„Ты зачѣмъ же къ намъ, милый, пожаловалъ?"
Отвѣчалъ Ахреянъ, низко кланяясь:
„Я пришелъ, вишь ты, къ Господу съ жалобой
„На невѣрный народъ Ахреяновскій,
„Захватилъ съ собой свѣчку семи пудъ
„Ко престолу его ко пресвѣтлому..."
Вопрошаетъ Микола угодничекъ:
— „Да тебѣ, слышь, котораго надобно?
„Вѣдь ужъ наши давно раздѣлилися,
„На три дома живутъ, и скотинушку,
„Вопіющу, поющу, взывающую,—
„И людишекъ, скотину глаголющу —
„Подѣлили, родимые, поровну...
„Самъ отецъ-то, старикъ, — не у дѣлъ теперь;
„Знай себѣ день деньской на перинушкѣ
„Чистыхъ облачковъ бѣлыхъ нѣжится,
„Да у солнышка краснаго грѣется...
„Что-жъ къ Нему што-ль вести тебя, миленькій?"
Призадумался царь-недоумочекъ
Долго въ царскомъ затылкѣ почесывалъ:

,,Ужъ веди по порядку ко всѣмъ троимъ...
,,Кабы, дядя, знатьё мнѣ, да вѣданье,
,,Захватилъ бы три свѣчки семи пудовъ:
,,Набрехала мнѣ Кривда проклятая,
,,Чтобъ я къ Троицѣ шелъ съ одной свѣчкою.
,,Вотъ теперь мнѣ какъ будто и совѣстно..."
Отвѣчаетъ Микола угодничекъ:
,,Имъ такого дерьма и не надобно!"

IV.

Не хоромы стоятъ, не высокія,
Златомъ-серебромъ всѣ изукрашены,—
Твердь небесная синяя высится.
Изукрашена частыми звѣздами,
Во святомъ то углу не лампадочка,—
Свѣтлый мѣсяцъ серебряный теплится:
Да не печка въ другомъ углу топится,—
Красно солнышко жарко растоплено;
На печи-то лежитъ не перинушка,
Не высокая пуху лебяжьяго,—
Лежатъ чистыя бѣлыя облачки.
А на облачкахъ чистыхъ на бѣлыихъ
Самъ Господь-Саваоѳъ держитъ свой престолъ.
Падалъ царь Ахреянъ на колѣночки,
Не стерпѣлъ того свѣта великаго:
Отъ несноснаго страха отъ Божьяго
Задрожали поджилочки царскія:
Молча клалъ свѣчу воску яраго,
Дорогую свѣчу ту семи пудъ,
Ко подножью престола пресвѣтлаго...
Глядь—отъ солнца свѣча растопилася
И чадитъ на все царство небесное.

* * *

Пробуждался Господь, безпокоился:
,,Эй, какой тутъ дуракъ неотесанный
,,Начадилъ-навонялъ на всю горницу,
,,Али нынче на небѣ блины пекутъ?"
Отвѣчаетъ Микола угодничекъ:
,,Не блиночки пекутъ, Господь батюшка,
,,А пришелъ человѣкъ съ челобитною;
,,Приносилъ онъ Тебѣ, не прогнѣвайся.

„Дорогую свѣчу воску яраго,
„Да на солнцѣ свѣча растопилася,
„Вишь, чадитъ на все царство небесное!“
Усмѣхнулся Господь, молвилъ ласково:
— Ну чего-жъ ему, глупому, надобно?“
Въ бокъ толкнулъ Ахреяна угодничекъ:
— „Говори же, зачѣмъ пришелъ, сказывай!“
Ахреянъ за Миколу хоронится,
Взговорилъ, самъ дрожитъ, какъ осиновъ листъ:
„Охъ ты гой еси Отче нашъ батюшка!
„Царь царей и Господь всѣхъ господъ
„Къ Тебѣ, Господу Богу, я съ жалобой
„На невѣрный народъ Ахреяновскій:
„Заступись за меня, за избранника,
„Ахреяна царя православнаго,
„За мое за величество царское!
„Дай побѣду ты мнѣ, одолѣніе
„На великую Правду постылую,
„Накажи супостатовъ-крамольниковъ!
„Вѣдь не даромъ же я твой помазанникъ!“

* * *

Не по нраву пришлось слово царское
Саваоѳу-Творцу Вседержителю;
Распалился Господь гнѣвомъ праведнымъ,
Изъ очей Его молніи сыплются,
Молвитъ слово — гроза разыграется,
Топнетъ ножкой, — весь міръ содрагается:
— „Ахъ ты подлый червякъ, ядовитый гадъ,
„Вишь ползучая мразь, кровожадная!
„Въ очію ты, червякъ, завираешься!
„Не избранникъ ты мой, не помазанникъ!
„Отродясь твоей глупой головушки
„Я святымъ своимъ мvромъ не мазывалъ!“

* * *

„Было въ оные дни стародавніе,
„Наказалъ я разокъ родъ Израилевъ,
„За его ослушанье великое —
„И за всѣ прегрѣшенія прежнія:
„Повелѣлъ Самуилу Премудрому,
„Чтобъ избралъ пастушенка ослинаго

„Онъ на смѣхъ во цари надъ Израилемъ,
„Чтобъ казнились людишки безмозглые,
„Не просили-бъ царей себѣ, идоловъ!...
„Вишь съ тѣхъ поръ и пошла ложь великая:
„Брешутъ ваши попы толстопузые,
„Будто всѣхъ я васъ, дурни, помазывалъ!
„Да я знать васъ не знаю, не вѣдаю, —
„Кровопійцы, отродіе Каина,
„Палачи, душегубы, грабители!
„Васъ помазала подлость холопская,
„Загребущая лапа поповская!
„Да ужъ скоро вамъ всѣмъ и конецъ придетъ!"
Въ бокъ толкнулъ Ахреяна угодничекъ:
„Ну пойдемъ, пока цѣлъ, Ахреяновичъ!
„Видишь, дѣло твое здѣсь не выгоритъ!"
И повелъ онъ царя въ вертоградъ Христовъ.

V.

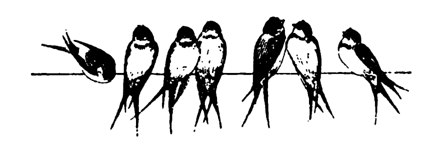
У Христа Спаса нашего батюшки,
Въ вертоградѣ Его во зеленымъ
Ликованіе шло, радость велія:
Принимаетъ Христосъ дорогихъ гостей,
Дорогихъ ли гостей, души праведныхъ,
Разноглазою Кривдой замученныхъ:
Принимаетъ Христосъ, обнимаетъ ихъ,
Раздаетъ имъ вѣнцы свѣтозарные;
Говоритъ имъ Господь таковы слова:
— „Охъ вы гой еси, воины храбрые!
„Честь и слава вамъ всѣмъ, память вѣчная,
Да Христово спасибо великое!
„Постояли вы грудью могучею,
„Теплой крови своей не жалѣючи,
„За моихъ обездоленныхъ дѣтушекъ,
„За мою-ли братію меньшую,
„Да за матушку Правду, за Истину!"
Какъ тутъ входитъ Микола угодничекъ,
Ахреяна царя ведетъ за руку.
Падалъ царь Ахреянъ на колѣночки,
Не стерпѣлъ того свѣта великаго:
Отъ несноснаго страха отъ божьяго
Задрожали поджилочки царскія. . .
Ни словечка не смѣетъ онъ вымолвить...

Оглянулся Христосъ, милосердный Спасъ,
Увидалъ онъ Миколу угодника, —
Усмѣхнулся съ великою ласкою;
А взглянулъ на царя, да призналъ его —
Осерчалъ Милосердный, разгнѣвался:
— ,,Бѣлены, что-ль объѣлся Николушка,
,,Въ вертоградъ мой привелъ царя-Ирода,
,,Моей братіи меньшей мучителя,
,,Моей Правды великой гонителя?
,,Уводи его, Ирода, съ глазъ долой!"
Въ бокъ толкнулъ Ахреяна Миколушка:
,,Ну пойдемъ, пока цѣлъ, Ахреяновичъ!
,,Вишь и здѣсь твое дѣло не выгоритъ...
,,Видно дѣло твое, братъ, неправое!...
,,Ужъ не знаю, вести-ль тебя къ третьему!..."
Вотъ подходитъ онъ ко святымъ вратамъ
Вертограда Христова небеснаго,
А на встрѣчу идетъ Богородица,
Сама матушка наша заступница,
Разливается плачемъ сердечная;
Вопрошаетъ угодникъ пречистую:
— ,,Охъ ты гой еси, наша заступница!
,,Да почто ты слезами горючими
,,Отуманила очи пресвѣтлыя?..."
Отвѣчаетъ ему Богородица:
,,Какъ не плакать Миколушка-батюшка?
,,Вѣдь у насъ, слышь, бѣда приключилася:
,,Святой духъ-то, голубчикъ мой бѣленькій,
,,На войну полетѣлъ на великую
,,Въ Ахреяновку ту безталанную,
,,Заступаться за Правду, за Истину,
,,Постоять за нее грудью бѣлою,
,,Теплой крови своей не жалѣючи:
,,Разноглазая Кривда проклятая,
,,Ахреяна царя полюбовница,
,,Нападала на Господа съ хитростью,
,,Изловила святого арканами,
,,Посадила во клѣточку крѣпкую,
,,Что во тотъ-ли острогъ бѣлокаменный, —
,,Отдала палачамъ въ поруганіе!
,,Вотъ иду выручать его, батюшку,
,,Буду Сына просить, Христа Господа. —
,,Посылалъ бы всѣ силы небесныя

„Скоро наскоро въ ту Ахреяновку...
„Не ровенъ часъ, вѣдь Кривда проклятая
„Съ Ахреяномъ царемъ полюбовникомъ
„Моего то голубчика бѣлаго.
„Духа Свята ощиплютъ, да слопаютъ!...“
—„Такъ ты вотъ каковъ? А!“ И Микола-свят
Тутъ стерпѣть не могъ, распалился самъ:
Поглядѣлъ царю въ очи безстыжія,
Плюнулъ разъ ему въ бороду царскую,
Плюнулъ два, плюнулъ три,—да и прочь пошелъ.
Долго дѣется дѣло, ребятушки,
Да не скоро и сказка разкажется,
Нашей сказкѣ еще не конецъ пришелъ...

* * *

А когда наша сказка покончится
Слава!
Запоемъ, братцы, пѣсню мы новую
Слава!
Что веселую пѣсню, свободную
Слава!
Духу вѣчному Свѣта и Истины
Слава!
Правдѣ-матушкѣ, нашей заступницѣ
Слава!
Вольной волѣ, народу свободному
Слава!

..Скоро наскоро въ ту Ахреяновку...
..Не ровенъ часъ, вѣдь Кривда проклятая
..Съ Ахреяномъ царемъ полюбовникомъ
..Моего то голубчика бѣлаго.
..Духа Свята ощиплютъ, да слопаютъ!...''
—..Такъ ты вотъ каковъ? А!'' И Микола-свят
Тутъ стерпѣть не могъ, распалился самъ:
Поглядѣлъ царю въ очи безстыжія,
Плюнулъ разъ ему въ бороду царскую,
Плюнулъ два, плюнулъ три,—да и прочь пошел
Долго дѣется дѣло, ребятушки,
Да не скоро и сказка разкажется.
Нашей сказкѣ еще не конецъ пришелъ...

* * *

А когда наша сказка покончится
Слава!
Запоемъ, братцы, пѣсню мы новую
Слава!
Что веселую пѣсню, свободную
Слава!
Духу вѣчному Свѣта и Истины
Слава!
Правдѣ-матушкѣ, нашей заступницѣ
Слава!
Вольной волѣ, народу свободному
Слава!

